18+

Владимир Горбань

Хочу в Париж!

Остросюжетная приключенческая повесть

Владимир Горбань

Хочу в Париж! Остросюжетная приключенческая повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50284283
ISBN 9785449815088

Аннотация

Одесский авантюрист начала XIX века Яков Мендель на старости лет загорается мечтой построить под Ла-Маншем железнодорожный тоннель. Его мечта имеет не только коммерческий, но и политический интерес. Мендель уверен: именно альянс Франции и Англии станет в будущем основой общего Европейского союза. Ради реализации своего авантюрного плана летом 1812 года во время наполеоновского нашествия Яков Мендель с подложными документами отправляется во Францию, где его ждут невероятные приключения.

Содержание

Предисловие	5
Моей Анечке посвящается с любовью…	6
Глава 1	7
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Хочу в Париж! Остросюжетная приключенческая повесть

Владимир Горбань

© Владимир Горбань, 2020

ISBN 978-5-4498-1508-8
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Моей Анечке посвящается с любовью…

Предисловие

Первые одесситы появились задолго до основания Одессы. Так считает один мною очень уважаемый человек. Не могу с ним не согласиться. Но, добавлю, однажды собравшись в одном месте, именно из Одессы многие одесситы по разным причинам расселялись далее по всему миру…

Моей Анечке
посвящается с любовью…

Глава 1

…**В** четверг утром 9 июля 1812 года от рождества христова Циля Марковна, известная в Одессе и далеко за ее пределами сводница – хлопотунья, женщина нестарая и в меру дородная, отправилась на Большой проспект сделать себе небольшой базар. Ей нужны были синенькие, так в Одессе называют баклажаны, и кое-что еще для удовлетворения желудочной страсти ее мужа. Выбор места диктовался тремя вескими причинами. Во-первых, Циля Марковна с мужем жили в своем доме неподалеку от Большого проспекта. Во-вторых, Большой проспект, задуманный архитектором Францем де Волланом в подражание Елисейским полям в Париже, представлял собой довольно широкую улицу с торговыми рядами с обеих сторон. В-третьих, где как не на Большом проспекте можно было всласть почесать свой язык в общении и, если повезет, то и расширить себе клиентуру. Количество желающих жениться и выходить замуж стремительно росло в Одессе из года в год.

Циля Марковна взяла плетеную кошелку средних размеров, немного денег и хорошее настроение и пошла таки немного делать базарный день. Баклажаны в начале XIX века были овощем редким, даже экзотическим, и лишь немногие хозяйки уже распознали в них особый изысканный смак. Но в Одессе уже тогда можно было купить все, любой шик!

У первой продавщицы синенькие были маленькие, вялые и сводница – хлопотунья лишь пренебрежительно окинула их взглядом. «С таким товаром», – подумала она: «Только позориться на всю Бессарабию задаром!»

Циля Марковна гордой походкой продолжала двигаться вдоль торговых рядов. Покупателей было немного, раза в четыре меньше, чем продавцов, которые громко орали, заманивая народ к своим прилавкам. Но народ не спешил тратиться и в основном обменивался сплетнями местного, имперского и международного значения. Как обычно, много говорили о погоде, ругали местную воровскую власть и хвастались своим умом и деловой хваткой.

И тут вдруг на одном из прилавков, который держал старый грек, Циля Марковна увидела то, что ей было нужно. Синенькие имели шикарный вид! И Циля Марковна врубила скорость. Но вот незадача, в этот же момент эти же баклажаны попали на глаза и Софе Генриховне, известной одесской модистке, обшивающей интересы людей при деньгах и связях. В руках у модистки тоже была плетеная кошелка средних размеров и явное намерение прикупить синенькие. И Софа Генриховна тоже включила энергичную скорость. Старый грек, скучавший за прилавком с самого утра, явно не ожидал такого повышенного интереса к своему, прямо скажем, пока еще неходовому товару. Две массивные женщины неслись в его сторону с явной угрозой к чертовой матери снести прилавок.

И таки Циля Марковна финишировала первой. Тяжело дыша на старого грека, она не сразу смогла заговорить. Подлетевшей вослед Софе Генриховне также понадобилось некоторое время, чтобы перевести дух.

Баклажанов было всего четыре. Но, зато какие это были баклажаны! Крупные, темно-синие, блестящие, как надраенные ваксой сапоги кавалергарда! Не просто синенькие, а ого-го какие синенькие, мечта гурмана!

– Здравствуй, Циля! – первой отдышавшись, сказала Софа Генриховна.

– И тебе не хворать! – буркнула в ответ Циля Марковна. А потом, переведя взгляд на старого грека, уверенно заявила:

– Возьму все!

– Как это – все?! – возмутилась Софа Генриховна. И, посмотрев уверенно на старого грека, добавила:

– Даю две цены!

Циля Марковна с негодованием посмотрела своими змеиными глазами в не менее змеиные глаза Софы Генриховны и изрекла:

– Даю три цены!

– Даю четыре цены! – не сдавалась Софа Генриховна.

– А я – пять!

– А я – шесть!

– А я – семь!

– А я – восемь!

Старый грек молчал, наблюдая азартную торговлю между покупательницами, и хитро улыбался в седую бороду и в седые усы. А Циля Марковна и Софа Генриховна продолжали набивать цену, громко крича при этом и размахивая кошелками. Никто не хотел друг другу уступать. Иной раз, как известно, понты стоят дороже денег…

И все же, через некоторое время был таки достигнут компромисс. Два баклажана купила Циля Марковна и два баклажана достались Софе Генриховне. Старый грек продолжал молчать, боясь спугнуть удачу. Ведь только что он продал синенькие по цене сапфиров. При этом под прилавком у него лежало еще восемь прекрасных баклажанов. Неплохой гешефт!

– Как здоровьечко у достопочтимого Семена Львовича? – добродушным голосом спросила Софа Генриховна у Цили Марковны, когда они обе отходили от прилавка.

– А шо с ним может быть не так?! – удивилась Циля Марковна. – Или я его плохо кормлю?

– И что, даже на погоду он не жалуется?

– Я тебя умоляю, а шо с погодой не так?! Надо больше кушать овощей и все будет на душе прекрасно, как в раю!

– Таки да, – согласилась Софа Генриховна. – Но, вчера вечером в порту итальянские матросы передрались с голландскими матросами. Слышала?

– Думаешь, из-за погоды?

– Ой, только не делай мне смешно, подруга! Там – чистая

политика!

– Какая еще политика в наших палестинах?! Либо перепились, либо девок не поделили!

– Ой, не скажи, подруга! – Софа Генриховна перешла на театральный шепот. – Это они из-за Наполеона подрались!

– Какого еще Наполеона?! – искренне удивилась Циля Марковна.

– Бонапарта Наполеона, императора Франции! Разве это не политика?!

– И на шо им всем дался этот Наполеон?!

– А ты шо, подруга, не в курсе?!

– Не в курсе чего? Наполеону срочно приспичило жениться на одесситке?! И голодранцы в тельняшках набили из-за этого друг другу физиономии?!

– Уж я не знаю, что ему приспичило, но он таки с огромной армией наступает на Москву!

– Кто?!

– Бонапарт Наполеон!

– И давно наступает?!

– Да уже недели две!

Циля Марковна на мгновение задумалась, а потом мудро изрекла:

– И я этому должна радоваться?! Мне с этого какая прибыль?!

– Ты шо, Циля, умом поперхнулась?! – всплеснула рука-

ми Софа Генриховна. – Не понимаешь сущности момента?! Наполеон же теперь всех мужиков попереубивает! Кого ты будешь женить? Кого я буду обшивать?!

– Да, – глубоко вздохнула Циля Марковна, – неприятная история. Что предлагаешь?

Софа Генриховна снова перешла на театральный шепот:

– Есть у меня девица на выданье. Умница, красавица, рукодельница, с хорошим приданым. Но, застенчивая, сирота. С отцом воспитывалась без матери. Вот и засиделась слегка в девках. Нет ли у тебя на примете подходящего ей женишка? Такого, чтоб не пил, не гулял, капиталец какой-никакой имел.

– Богатый старик, что ли интересует?!

– Ну, что-то вроде того. Но шоб не покалеченный!

Циля Марковна задумалась. В голове ее всплывали образы подходящих кандидатур. Артур Карлович, немец из Шлезвига и владелец двух булочных был слишком стар и имел много наследников. Георг Бойкович, румын из Италии был слишком скуп и частенько впадал в запои, в коих вел себя грубо до неприличия. Соломон Израилевич был хром на правую ногу. А Израиль Соломонович был слеп на левый глаз. Оставался только Яков Моисеевич Мендель, крепкий и ладный старик пятидесяти шести лет от роду. Он был умен необычайно, богат сказочно. И даже красив для некоторых глаз. Но жениться Яков Моисеевич, и Циля Марковнва это хорошо знала, категорически не хотел даже на английской

принцессе! Он был сибарит и авантюрист до мозга костей! Жил Яков Моисеевич в своем огромном роскошном доме недалеко от порта, имел шикарные экипажи, вышколенную прислугу, каждую неделю устраивал у себя грандиозные ассамблеи и прочие приемы, и балы с множеством гостей, множеством изысканных яств, множеством разнообразных вин и множеством сопутствующих тому безобидных развлечений и откровенных безобразий. Яков Моисеевич также был на короткой ноге с самими основателем Одессы Арманом Эммануэлем дю Плесси Ришельё, которого в дружеской беседе запросто называл «мой Эмик».

Выдать замуж за такого кавалера было сложнейшей задачей даже для такой многоопытной сводницы – хлопотуньи, как Циля Марковна.

– Ну, шо скажешь, подруга? – напомнила о себе Софа Генриховна. – Есть у тебя подходящий купец?

– А шо, девица действительно хороша?!

– Ангел! – развела руки в стороны Софа Генриховна. – Брыльянт! И папаша ее готов сильно расщедриться за посредничество. Ну?

– А шо, ну?! – всполошилась Циля Марковна. – Шо, ну?! Девицу сначала надо посмотреть! Со всех сторон. Взвесить, так сказать, все за и против. Не хворая она случаем?

– Кровь с молоком!

Циля Марковна хитро взглянула на Софу Генриховну, а потом как бы невзначай спросила:

– Так что ты там говорила за Наполеона?!

– На Москву он прет со всех ног!

– А к нам в Одессу, случайно, не собирается?

– Не знаю. Я в его голове не ночевала! А тебе зачем?!

– Да, как знать?! Как знать, подруга?! – хитро произнесла Циля Марковна. – Французы народ культурный, обходительный. Богатый. Это тебе не наши голодранцы из порта или душегубы с Молдаванки! Короче говоря, Софа, давай сделаем так, в воскресенье после обеда ты приводи ко мне домой свою девицу. Посмотрим, подумаем. Чем чёрт не шутит, может быть, и сладится наше дельце.

– Папашу невестиного брать с собой?!

– Я тебя умоляю! Зачем нам нужен этот старый пень?!

Глава 2

Дальнейшее повествование очевидно будет бессмысленным, если предварительно хотя бы бегло не поведать биографические данные Якова Моисеевича Менделя. Родился он в 1756 году, но в каком населенном пункте Земного шара, нам, увы, неведомо. Сам Яков Моисеевич об этом почему-то всегда таинственно умалчивал. Вместе с первыми колонистами, приглашенными бароном Борегардом де Кано, выходцем из герцогства Брабант юный Мендель поселился в Екатериненштадте, немецкой колонии, расположенной на левом берегу в нижнем течении Волги. У провинциального юноши была удивительная мечта! Если его сверстники банально мечтали выбиться в люди, удачно жениться, нарожать детишек, сколотить капиталец и со спокойной душой умереть в собственной постели, то Яша Мендель мечтал вовсе не об этом. Он страстно мечтал на берегу теплого моря построить большой и красивый интернациональный город, подобный древнему Вавилону. И заселить его красивыми, предприимчивыми и веселыми людьми, которые бы жили богато, дружно и счастливо. В мае 1775 года Яков Мендель прибыл в Саратов, где формировался продовольственный обоз, отправляющийся в Санкт-Петербург. Прибившись к обозу, молодой авантюрист попал в столицу Российской империи, где, в первые же дни своего пребыва-

ния, при конфузных обстоятельствах случайно познакомился с другим авантюристом, фаворитом Екатерины Второй Григорием Потемкиным. Яков быстро стал не только денщиком и сподручником светлейшего князя, но и его ближайшим советчиком, собеседником, соратником, сотрапезником и собутыльником. Два авантюриста нашли друг друга. И были они вместе «не разлей вода» до самой смерти Григория Потемкина в 1791 году, лихо прокручивая грандиозные государственные и финансовые дела. За полтора десятка лет всеми правдами и неправдами Яков Мендель сколотил громадный капитал. И сумел таки реализовать удивительную мечту своей юности. Он был одним из тех, кто основал Одессу!

…Аман Эммануэль дю Плесси Ришельё, прапраправнучатый племянник знаменитого кардинала Ришельё и первый градоначальник Одессы родился в Париже в 1766 году. Этот известный французский аристократ, последний из рода Плесси уже в молодые годы на своей исторической родине добился выдающегося карьерного положения, став в 1783 году камергером короля Людовика XVI. Однако во время Великой французской революции 1789 он эмигрировал сначала в Австрию, а затем в Россию. И на новом месте, в Российской империи герцог Ришельё также быстро добился высокого карьерного положения.

Утро выдалось погожим. Светило ласковое солнце, со стороны Черного моря дул слабый ветерок. Дюк Ришельё в за-

думчивости стоял у распахнутого окна своего особняка. Тихой поступью в комнату вошел камердинер, высокий статный мужчина средних лет и красивым бархатным голосом произнес по-французски:

– Ваша светлость, к вам гость.

– Кто? – удивился Ришельё. Утро было раннее, не самое лучшее время для праздных визитов и деловых встреч.

– Господин Мендель.

– Пусть войдет, – после короткой паузы ответил дюк.

Стоит еще раз отметить, что Яков Моисеевич был уроженцем герцогства Брабант, жители которого владели голландским, немецким, французским, фламандским, валлонским и рядом других языков, включая даже цыганский. Брабант был языковым раем. Поэтому Мендель без всякого преувеличения от рождения был полиглотом.

Яков Моисеевич быстрой походкой ворвался в комнату и с распростертыми руками кинулся к герцогу. Ришельё опешил. Ох, уж эти темпераментные люди! Особенно они неуемны с утра!

Мендель крепко обнял дюка и, похлопывая правой ладонью по спине, радостно заявил по-французски:

– Милый друг, извини, что вломился я к тебе без предупреждения, но у меня очень важное дело! Очень важное, почти государственное!

– Я вас слушаю, – сухо ответил Ришельё, пытаясь со всей своей неловкостью высвободиться из объятий Менделя.

– Понимаешь, Эмик, проснулся я сегодня рано утром в крайнем смятении, – Яков Моисеевич заговорил тихо, почти шепотом. – Приснился мне, понимаешь, огромный зеленый с огромными зелеными глазами длинношерстный кот в зеленой треуголке. Я подумал, к чему бы это?! Как думаешь?

– Я не знаю.

– Вот и я не сразу понял! – Яков Моисеевич вновь заговорил громко. – Долго думал, к чему этот странный сон? Потом встал с постели, оделся, вызвал камердинера. Забавный такой мужик из новгородских купцов. Выпили мы с ним водки…

– Это плохая привычка – пить по утрам, – скривился Ришельё. – Вредно для здоровья, мой друг.

– Так вот, – якобы не заметив упрека герцога, продолжил Мендель, – разобрались мы с этим сном. Знаешь, к чему он?

– Нет.

– В Париж мне нужно срочно! В Париж!

– В Париж?! – крайне удивился Ришельё. – Почему, именно в Париж?! А почему, допустим, не в Екатеринослав или не в Саратов?!

– Обидеть меня хочешь, ваша светлость?! – Яков Моисеевич притворно надул губы. – Или шутишь так не смешно?!

– Я не понимаю, – ответил Ришельё. – Причем здесь я?!

– Ксива мне нужна, – буднично сказал Яков Моисеевич.

– Что такое – ксива?

– Документ! Понимаешь? Ксива – это документ. Мне нужен документ для выезда за границу. Можешь сделать? Я, конечно, могу любую липу заказать себе у бессарабских румын. Берут недорого.

– Что такое – липа?

– Липа – это фальшивый документ. А мне нужен настоящий документ, не липа и не лажа! Понимаешь?!

– Не понимаю!

– Ну, ты и валенок! – изумился Мендель. – Живешь, вроде бы в Одессе, а элементарных вещей не понимаешь?!

– Зачем тебе в Париж? – сухо спросил Ришельё.

– Как это – зачем?! – еще больше изумился Яков Моисеевич. – Ты что, не понимаешь глубины политического момента?!

– Какого еще политического момента?!

– Ну, как какого?! Ты что, не знаешь, что Бонапарт Наполеон со всех ног прет на Москву?! И скоро таки будет там.

– Знаю. И что?

– А то, мой милый друг, ваша светлость, пока Наполеон с большим усердием и энтузиазмом прет на Москву, Париж остался без хозяина!

Ришельё крепко задумался. Он, конечно, знал, что Яков Моисеевич Мендель невероятный авантюрист, аферист и просто пройдоха высшей масти. Что он умеет делать деньги даже из грязного воздуха. Что даже достаточно зрелые лета его не могут угомонить. Знал об этом не только дюк. Зна-

ла об этом вся почтенная Одесса от салонных аристократов до биндюжников в порту.

– Ну, так что, Эмик, поможешь мне? – хитро подмигнул герцогу Яков Моисеевич. – А потом я помогу тебе.

– Это как?

– Понимаешь, ваша светлость, земля же круглая. Люди сходятся, расходятся, снова сходятся. Одни помогают друг другу. Другие не помогают. Третьи вредят. А земля – круглая.

– Яков, а можно конкретнее? – Ришельё действительно не понимал Менделя.

– Можно и конкретнее, Эмик. Ты помогаешь мне сейчас уехать в Париж. А я помогу тебе обустроиться в Париже, когда ты туда вернешься. Что тут непонятного?!

– Да я не собираюсь в Париж, – решительно ответил Ришельё.

– Стало быть, не понимаешь. Земля – круглая. Люди сходятся, расходятся и снова сходятся.

– Да это я уже понял! – герцог начал нервничать.

– Наполеон прет на Москву. Париж остался без хозяина. Я не знаю, кто победит в этой войне, Бонапарт или Александр. Но, Наполеон обязательно вернется в Париж. Логично?

– Ну, да.

– Так вот, Наполеон возвращается в Париж, а там уже я, Яков Моисеевич Мендель, будьте любезны!

– Не понимаю!

– Ну, что тут такого непонятного?! – Мендель тоже начал нервничать. – Одно дело, Наполеон возвращается в Париж, а там меня нет. И совсем другой коленкор, Наполеон возвращается в Париж, а там уже я! Это, как говорят у нас в Одессе, две большие разницы!

– Хорошо, – уставшим голосом произнес Ришельё. – От меня чего ты хочешь?!

– Ну, вот, – обрадовался Яков Моисеевич, – это уже совсем другой разговор! Надо только все конкретно обсудить. Обмозговать! Обкашлять! Ты уже кофий пил?

– Нет еще.

– Ну, так гукни своим, пусть они нам кофейку организуют.

Кофий герцог Ришельё и Яков Моисеевич Мендель пили в небольшом саду под окнами особняка градоначальника Одессы. Душистый кофий с круассанами и кизиловым вареньем они смаковали за ажурным столиком и в креслах, плетенных из бессарабской виноградной лозы. Погода настоялась отменная. Через полчасика Яков Моисеевич уже отошел от решения своих проблем и, мечтательно закатив глаза, душевно произнес:

– Эх, сейчас бы махануть на море! И с разбега прямо в воду! Ты, ваша светлость, плавать то умеешь?

– Я воды боюсь, – сознался герцог.

– А с бабами у тебя как?!

– Что, позвольте?

– Баба у тебя есть? Я знаю, ты не женат, детей нет. Тебе,

ваша светлость, бабу надо хорошую завести. Умную, красивую. Для души и не только. А то киснешь ты тут, в Одессе, как сильно перезрелый виноград!

– Спасибо, не надо.

– Зря ты так, Эмик, зря. Есть у меня в Одессе одна хорошая знакомая, сводница – хлопотунья, мастерица своего дела и недорого берет. Хочешь, поспособствую тебе по дружбе?!

Ришельё вдруг резко покраснел лицом и потупил очи долу.

– Понимаешь…, – залепетал герцог.

– Понимаю, – усмехнулся Яков Моисеевич и умело сменил тему разговора.

Глава 3

В воскресенье после обеда, как это было оговорено заранее, в доме Цили Марковны, самой известной в Одессе сводницы – хлопотуньи появилась Софа Генриховна. За руку она вела ангела. Именно ангела, без всякого преувеличения, до того была хороша девушка. Высокая с прекрасной фигурой блондинка лет девятнадцати от роду. Ее огромные глаза цвета египетской бирюзы смотрели испод огромных ресниц с таинственной печалью. Ее сочные губки цвета таиландских кораллов манили своей сладкой чувственностью. Ее тонкая и нежная кожа цвета филиппинских жемчугов будоражила воображение. А ее узкие ладони с длинными тонкими пальцами и ухоженными ногтями указывали на явно аристократическое происхождение. Эти пальцы были достойны самых изысканных перстней из бриллиантов, рубинов, изумрудов и сапфиров.

Увидев красотку, Семен Львович, муж Цили Марковны от восторга и удивления открыл рот. Следом открыла рот и Циля Марковна, сурово заявив мужу:

– Семьён, сходи погулять во двор!

– Цилечка, я уже сегодня два раза гулял, – гундося ответил Семен Львович.

– Семьён, я сказала, сходи погулять еще. Посиди тихо пару часиков на упавшем во дворе дереве, пока его наши со-

седи – халамидники окончательно не распилили на дрова. Посиди тихо, полюбуйся птичками, заодно и к ужину нагуляешь себе аппетит.

– Ну, Цилечка…

– Ша, я сказала! Не взлохмачивай мне нервы, Семьён! Ты шо не видишь глазами, какое у нас с Софой Генриховной назревает важное до крайности дело?!

Понурив голову и почти пуская слезу, Семен Львович, отяжеленный лишним весом мужчина с некрасивой лысиной, поплелся во двор.

– Вечно с ним так, – тяжко вздохнула Циля Марковна. – Ну, как ребенок! И кушает плохо! Вчера отправила его одного на рынок купить глосиков, так он купил бычков! Представляешь, Софа, он мне купил бычков по цене глосиков! Как тебе такой шахер-махер?! Иной раз, шоб я сдохла, если вру, ощущаю себя сапожником без сапог!

– У меня дома остался такой же халоймес в штанах. Не завидуй!

– Шо, у Давида Карловича плохой аппетит?!

– Не то слово, Цилечка, восьмой подбородок наедает!

Они еще немного, не более получаса поговорили о своих мужьях, красочно описывая их недостатки. Но Циля Марковна и Софа Генриховна это делали так, будто хвастались друг перед дружкой, восхваляя эти недостатки.

Потом они втроем принялись пить чай.

– Ну, и шо там Наполеон? – как бы невзначай спросила

Циля Марковна.

– А шо с ним станется?! – удивилась Софа Генриховна, наливая себе в чашку пятую порцию чаю. – Вчера утром на рынке в верхних мясных рядах знающие люди болтали, что Наполеон уже захватил Минск!

– А Минск – это где?!

– Ну, я точно не знаю, – пожала своими дородными плечами Софа Генриховна и, махнув рукой, добавила, – где-то там.

– В Сибири?!

– Цилечка, ну, откуда мне знать, где у нас Минск?! Может, в Сибири, а может, не в Сибири. У меня тетка в Жмеринке, а больше я нигде не была! А шо ты так дюже сильно интересуешься за Наполеона?!

– Да так, поговаривают, он дюже цыкавый мужчина.

– Хто поговаривает.

– Да так, знаю я одного знатока. Он все про Наполеона знает!

– Женат?

– Как раз холост.

– Старый?

– Да, не совсем.

– Хворый?

– Куда там хворый! Здоров, как племенной бык!

– Халамидник что-ли?

– Да типун тебе на язык, Софа! Богат, как персидский

шах! Ест на золоте. Спит на золоте. Денег у него, как грязи по весне в нашем убогом дворе!

– А шожь не так с ним?!

– Да все с ним так! И даже лучше! А жениться не хочет, все отшучивается. Мол, прынцессу ему шведскую подавай! Блондинки ему очень нравятся.

– Ну! – воскликнула Софа Генриховна. – А я тебе кого привела? Рыжую что-ли?

И только теперь Циля Марковна как-то заинтересовано стала рассматривать невесту, которая моментально покраснела лицом от смущения. Обглядела Циля Марковна ее всю два с половиной раза. И только потом высказала свое мнение:

– Хороша. Спору нет. А шо делать умеет?

– Да, все! – и Софа Генриховна скороговоркой принялась перечислять умения и навыки невесты. – Готовит прекрасно! Шьет великолепно! Вышивает! Вяжет! Рисует! Даже на арфе музицирует! Из дома ни ногой, только в церковь! Ангел, одним словом!

– Да, – задумалась Циля Марковна. – Товар гарный. Надо брать! Зовут-то ее как?

– Людмилой ее назвал ёный батюшка, Людочкой.

– Не болтлива, случаем?!

– Что ты, Цилечка?! Молчунья она, молчунья! Аки рыбка золотая! Слова лишнего не скажет!

– Это хорошо, что молчунья, – сказала Циля Марковна. –

Это правильно, что молчунья! А то ведь молодежь пошла слишком дерзкая. Ты им слово, а они тебе два в ответ! Никакого почтения! Никакого уважения! Одни наряды в голове! Одни танцульки! И еще эти – стихи! Что это за поветрие такое началось – любить стихи! И еще романы всякие любовные читают по ночам под одеялом! Срамота!

– Ой, Цилечка, как ты права! Как ты права, душечка! Молодежь нынче пошла неправильная! И стихи они читают, и романы они читают, а кое-кто даже в Бога не верит! Ежели все так пойдет и дальше, лет через десять наступит конец света!

– Ой, Софочка, и не говори, как ты права! Иной раз иду с рынка домой и думаю, а конец-то света уже начинается! При таких-то ценах!

Цены и качество одесских товаров Циля Марковна с Софой Генриховной обсудили отдельно, затратив на это не более получаса. Невеста Людочка молчала и терпеливо ждала.

Вернулся со двора Семен Львович.

– Я замерз, Цилечка, – сказал он упавшим голосом. – Можно я с вами посижу, чайку попью, согреюсь.

Циля Марковна оценивающе посмотрела на Семена Львовича и сурово произнесла:

– Никогда не ври мне, Семьён! На дворе лето! Как ты мог там замерзнуть?! Иди взад! И не появляйся тут, пока я тебя сюда не позову!

Семен Львович, понурив лысую голову, вновь отправился

во двор догуливать.

– Вот, что с ним поделаешь?! – возмущенно произнесла Циля Марковна. – Сморчок сморчком, а туда же! Ни одной юбки не может мимо пропустить! Ты, Софа, случайно, не знаешь, когда у мужиков заканчивается кобелиный период?

– А что? – Софа Генриховна возбудилась и слегка покраснела. – Ну, и пусть, посидел бы с нами рядом.

– Да не на тебя он, кобелина, заглянулся! – Циля Марковна резко махнула рукой. Это он вот на Людмилу глаза свои похотливые вытаращил! Вернется, я ему евоные глазенки то выцарапаю! Твой тоже кобелячит?

О неисправимом мужском кобелизме они энергично поговорили еще примерно полчаса. Невеста Людочка все это время молчала и терпеливо ждала.

Потом снова вспомнили за Наполеона.

– Яков Моисеевич сильно им интересуется, – задумчиво произнесла Циля Марковна.

– Какой Яков Моисеевич, аптекарь?

– Да, ладно аптекарь! Яков Моисеевич Мендель!

– Мендель?! – сильно удивилась Софа Генриховна. – Ты знаешь самого Якова Моисеевича Менделя?!

– А то! – гордо произнесла Циля Марковна. – Я очень даже хорошо знаю Якова Моисеевича!

– Да, ладно!

– Что ладно? Что ладно, Софа?! Я не просто знаю Якова

Моисеевича! Можно сказать, мы с ним большие друзья!

Софа Генриховна вытаращила глаза и после небольшой паузы сказала:

– Счастливая ты, Цилька!

– А то! И Людочку твою счастливой сделаем! Ты знаешь, кого я ей в женихи наметила?

– Кого?!

Повисла долгая театральная пауза. Затем Циля Марковна хитро улыбнулась и изрекла:

– В женихи я ей наметила Якова Моисеевича Менделя!

Софа всплеснула руками и трижды ойкнула.

И тут со стула, как ужаленная вскочила невеста Людочка:

– Фы сто? Фы в фоем фуме?! Ля фофсем фура?!

– Что это с ней?! – удивилась Циля Марковна.

– Да так, не обращай внимания, подруга, – обреченно махнула рукой Софа Генриховна. – Это она так разговаривает. Это у нее такой дефект речи. От рождения. С виду – ангел, а говорит – не поймешь что. Да оно и к лучшему! Она рот для разговора открывает редко. Идеальная по нашим временам жена!

– Ля не фофу фовсем зафуф! – Людочка никак не могла успокоиться. – Фофу фофой к фафе!

– Что она сказала? – спросила Циля Марковна.

– А бес ее знает! Обрадовалась, наверное.

– Да, тяжелый случай! – печально произнесла Циля Марковна. – Я уже двадцать лет свожу людей друг с другом. Но,

такое чудо наблюдаю первый раз! Чтобы к такой божественной красоте господь прибавил такой дефект!

– Фофу фофой к фафе! – повторила Людочка и решительно топнула каблучком.

– Ишь, как копытом бьет! – звонко рассмеялась Софа Генриховна. – Видимо, действительно, ей замуж невтерпеж!

– Так-то оно так! Но, как же мы ее такую негодную жениху то впарим?! Да не кому-нибудь, а самому Якому Моисеевичу Менделю!

– А что?! – задумчиво произнесла Софа Генриховна. – Товар с виду блеск. Броский даже очень на вид товар. Пусть до свадьбы молчит. Пусть только Мендель женится, а потом уж он не открутится. Я так думаю, подруга. Что скажешь?!

– Да, что тут супротив скажешь? – согласилась Циля Марковна. – В нашем деле ведь как? Не обманешь – не продашь! Теперь ведь невесту без изъяна днем с огнем не сыщешь! Порченная нынче пошла молодежь! Суррогат, одним словом! Халоймес!

Затем Циля Марковна вертлявой походкой подошла к Людочке, ухватила ее пальцами за нежную румяную щечку и игриво спросила:

– Ну, что, дуреха, замуж то хочешь?!

– Фофу фофой к фафе! – закричала невеста.

– Хочет! – констатировала Циля Марковна. – Ладно, не переживай, детка, обстряпаю я это дело!

Глава 4

…**Н**е прошло и двух недель. Но только с четвертой попытки в воскресный день ушлая сводница – хлопотунья все же всеми правдами и неправдами умудрилась проникнуть в покои не менее ушлого авантюриста…

Как Циле Марковне удалось подбить старого холостяка Якова Моисеевича на женитьбу, это, видимо, навсегда останется великой и неразрешимой тайной для одесситов. Мендель даже не выслушал до середины красочных описаний Цилей Марковной всех прелестей внешности и душевных качеств Людочки, и малой части доводов о разумности и пользе брака, он тут же проявил жгучее желание немедленно посмотреть на невесту.

Яков Моисеевич звонким колокольчиком вызвал камердинера и каким-то подозрительно куражистым голосом громко скомандовал:

– Варфоломей, снаряжай лучший экипаж!

– Один момент! – обрадовался камердинер, предчувствуя веселую поездку, и моментально исчез.

– Что, прямо так сразу?! – переполошилась Циля Марковна, театрально хватаясь за то место, под которым у нее в бешеном ритме забилось сердце. – Даже кавы с ликером не попьем?!

– А чего тянуть драгоценное время за скользкий хвост?!

Как говорится среди деловых людей, куй железо, пока порох в пороховницах не отсырел! Ты знаешь, где эта прынцесса живет?

– Конечно, знаю. Тут совсем недалеко. Сиротка живет в доме своего отца…

Уже через полчаса к самому крыльцу роскошного особняка Якова Менделя была подана золоченая карета, запряженная четырьмя парами великолепных коней вороной масти. Это был особый шик! И неслыханная дерзость, даже тяжкое преступление. Дело все в том, что еще царь Алексей Федорович Романов, батюшка императора Петра Первого, своим указом от 28 декабря 1681 года запретил пользоваться каретами всем, кроме членов царской семьи и представителей боярских родов. А Яков Моисеевич не имел даже малейшего дворянского титула. Но, он имел великое понимание жизни, деньги, связи и авантюрный склад характера. И это была та самая карета, которую Менделю в порыве рьяной щедрости подарил сам светлейший князь Григорий Александрович Потемкин. Случилось это в Екатеринославе примерно в 1788 году после одной весьма обильной, веселой и продолжительной пьянки с какими-то знатными особами, цыганами и распутными девицами из Кишинева. С тех пор каретой пользовался Мендель, а числилась она за Потемкиным, хотя светлейший князь и генерал – фельдмаршал почил в 1791 году. И хотя все в Одессе знали об этом, но перечить Якову Моисеевичу никто не мог посметь. Даже сам герцог Ришe-

льё…

Путь был коротким, ехали молча, хотя Циля Марковна и порывалась пару раз завести разговор. Но Яков Моисеевич тут же решительно ее пресекал. Он был задумчив и печален…

Сиротка жила в доме своего отца, сорокапятилетнего Петра Петровича Дынина, мелкого городского чиновника в ранге кабинетного регистратора. Дом находился в узеньком проулке недалеко от Большого проспекта и был совсем маленьким, состоящим всего из трех тесных комнат. Прислугу Дынин не держал за неимением достаточных для этого средств.

Подкатившую к дому золоченую карету, запряженную восьмеркой лошадей, Петр Петрович увидел в окно и сильно перепугался. Сначала из кареты вышел Варфоломей, высокий статный мужчина, одетый в расшитую золотом ливрею. В руках у него был большой дорожный баул. Следом появился Яков Моисеевич Мендель. Он имел шикарный вид, подобно генералу, недавно вышедшему в отставку. Затем и Циля Марковна неуклюже, как утка, вылезла из кареты, при этом поправляя сбившуюся на голове шляпу. Процессия направилась в дом Дынина. Первой к двери дома подскочила Циля Марковна. Она взялась пухлой ладонью за массивное дверное кольцо, громко постучала и решительным голосом произнесла:

– У вас товар, у нас купец!

Но за той стороной двери стояла абсолютная тишина.

– Может быть, их не дома? – предположил Варфоломей.

– Как нет дома?! – удивилась Циля Марковна, в очередной раз, поправляя шляпу на голове. – Как это нет дома?! Куда они могли подеваться?!

И сводница – хлопотунья вновь громко постучала кольцом в дверь.

За дверью послышались робкие шаги.

– У вас товар, у нас купец! – прокричала Циля Марковна.

Шаги моментально смолкли.

– Петр, открывай! – командовала Циля Марковна. – Мы знаем, ты дома!

Через минуту дверь отворилась и в узком проеме показалась всклокоченная голова Дынина. Глаза его были переполнены страхом.

– Что случилось?! – спросил Дынин поникшим голосом.

– У вас товар, у нас купец!

– Какой товар?! – удивился Дынин. – Нет у нас никакого товара! Мы живем бедно, законов не нарушаем, излишек не держим…

Варфоломей резко дернул дверь и до конца распахнул ее. Дынин стоял на пороге в жалкой позе, поджав ноги и сильно ссутулившись. Он был в стареньком сюртуке и в тапочках на босу ногу.

Завидя Якова Моисеевича Менделя собственной персоной, Дынину и вовсе стало не по себе. К тому же он стал сильно заикаться:

– З…з…з…з…

– Варфоломей! – воскликнул Яков Моисеевич. – Налей ему чарку вина! Разве не видишь, хозяин от радости дар речи потерял.

Дынин трясущимися руками принял чарку и стал спешно пить вино, проливая часть его на сюртук. Вернув пустую чарку Варфоломею, Петр Петрович заговорил увереннее:

– З…з…здравствуйте! З…з…заходите.

Светелка у чиновника Петра Дынина была весьма скромной. Два небольших окна, не плотно занавешенные голубыми ситцевыми шторами, смотрели в проулок. У противоположной стены располагались платяной шкаф и комод. Справа от них почти в углу стоял старенький диван. Над ним висел скромненький ковер. На ковре были изображены медведица с медвежонком. Посреди комнаты стоял небольшой круглый стол, покрытый голубой скатертью с кистями и три дешевых коричневых стула. Гостей здесь явно не принимали.

– А где дочка? – спросила Циля Марковна.

– Т… там, – махнул рукой Дынин, указывая на дверь в другую комнату.

– Налей ему еще! – приказал Яков Моисеевич.

– Варфоломей налил чарку вина и протянул ее Дынину.

Петр Петрович выпил, глаза у него заблестели, и он увереннее почувствовал себя в своем доме.

– У нас мало времени, – сказал Яков Моисеевич. – Пред-

лагаю сразу перейти к делу.

– Я вас внимательно слушаю, – залепетал Дынин. – Да что же вы стоите посреди хаты, как не родные?! Присаживайтесь на диван.

– У вас товар, у нас купец…, – начала было Циля Марковна, но Мендель ее резко перебил:

– Петр Петрович, мне известно, что у вас дочь на выданье. Так?

– Да…

– Хотелось бы посмотреть.

– На кого?

– На вашу дочь, естественно.

– Ах, да, – растерялся Петр Петрович. – Она у себя в комнате.

– Пусть выйдет!

– Да, да, я сейчас ее позову.

Дынин неуверенной походкой отправился в комнату дочери. Там он пробыл минут десять. Затем вернулся один и весьма опечаленный.

– Ну?! – вырвалось из пышной груди Цили Марковны.

– Она боится выходить.

– Азохен вей! – воскликнула сводница – хлопотунья и с решительным видом отправилась в комнату Людочки. – Ничего путного без меня в этом мире не происходит!

Яков Моисеевич взял под руку Петра Петровича, отвел его к окну и что-то шепотом стал объяснять ему. Дынин

внимательно слушал и часто в знак согласия кивал головой. Прошло еще минут пять, прежде чем из комнаты в горницу вышли Циля Марковна и Людочка. Невеста была до крайности бледна и дрожала от испуга всем телом. Завидя жениха, она сразу упала в обморок. Все сразу же переполошились. Мендель осторожно приподнял девушку на руки и отнес ее на диван. Циля Марковна, обмахивая Людочку своей широкополой шляпой, причитала:

– Это от радости. Это быстро пройдет. Это от неожиданной радости. Петр, принеси воды. Варфоломей, налей Петру Петровичу вина. Яков Моисеевич, не волнуйтесь, это она от радости. Это быстро пройдет. Варфоломей, налей и мне вина. Душно у вас тут. Петр, открой окно, дай свежему воздуху погулять по хате…

И тут входная дверь дома резко распахнулась, и на пороге появился высокий широкоплечий и усатый мужчина в зеленой форме подпоручика Лейб-гвардии Его Императорского Величества Преображенского полка. Он громогласно спросил:

– Кто из вас Яков Моисеевич Мендель?

– Я, – ответил Мендель.

– Вам срочная записка!

– От кого?

– От герцога Ришельё!

– Давайте!

Подпоручик быстро подошел к Менделю и протянул ему

записку. Яков Моисеевич быстро развернул ее и быстро прочитал.

– Благодарю за службу! Вы свободны, подпоручик! – четко произнес Мендель, и гвардеец тут же исчез.

– Господа! – громко произнес Яков Моисеевич. – Ситуация резко меняется, как погода на море! Мне нужно в Париж по делу безотлагательно!

– А как же свадьба?! – сильно разволновалась и раскраснелась Циля Марковна. – Ведь все уже почти полностью сладилось! Осталось только под венец сходить!

– Какая свадьба?! – нервно прокричал Яков Моисеевич. – Успенский пост на носу! Невесту я забираю с собой!

– Как с собой?! Куда?! – Циля Марковна вскочила с дивана и суматошно замахала руками.

– На кудыкину гору! Ты, Циля, иди домой. Вознаграждение твое я пришлю с нарочным!

Яков Моисеевич тут же подошел к дивану, осторожно взял Людочку на руки и негромко скомандовал камердинеру:

– Открывай дверь!

Мендель аккуратно на руках вынес невесту из дома и поместил ее в карету. Людочка была по-прежнему бледна и без сознания. Следом он сел сам, а за ним и шустрый Варфоломей.

– Гони со всех ног! – приказал Мендель кучеру.

И карета быстро удалилась от дома Дынина…

Глава 5

Яков Моисеевич на руках поднял худенькую Людочку на второй этаж своего особняка, легко преодолевая высокие ступени широкой мраморной лестницы. Он, не смотря на уже весьма почтенный возраст, являл собой мужчину довольно крепкого и выносливого. Девушка была мертвенно бледна и, казалось, уже не дышала. Мендель осторожно положил ее на широкую кровать в своей роскошной спальне. Тут же явился доктор, который постоянно жил в одной из комнат особняка Якова Моисеевича. Это был один из лучших докторов Одессы Соломон Маниевич Цукерберг. Брал он за свои услуги дорого, как и полагалось старому и опытному врачу, но и делал свое дело быстро и отменно. Он был универсальным доктором. Умел все, от принятия сложных родов до выведения из длительных запоев.

Соломон Маниевич присел на край кровати, надел пенсне, взял Людочкину руку, проверил пульс. Затем он приоткрыл ей веки и заглянул в глаза. Затем приложил ухо к груди и долго слушал. Закончив осмотр, Соломон Маниевич поднялся с кровати и снял пенсне.

– Ну, что, доктор, у вас уже есть мнение? – с нескрываемым волнением в голосе спросил Мендель.

– Ничего страшного, – сильно картавя на французский манер, – ответил Цукерберг. – И не переживайте, она совер-

шенно здорова. Это всего лишь продолжительный обморок, вызванный нервным перенапряжением. Такое иногда случается с впечатлительными девушками. Сейчас я приведу ее в чувство.

Соломон Маниевич достал из своего саквояжа какую-то склянку с жидкостью, вновь присел на край кровати и вновь нацепил на нос пенсне. Он открыл склянку и поднес ее к лицу Людочки. Девушка вдохнула пары жидкости и открыла глаза.

– Лежите. Лежите спокойно. Ничего не бойтесь, – сказал ей приветливо Цукерберг. – И пока ничего не нужно говорить. Ничего! Даже слов благодарности. Вам, мадемуазель, с вашей нежной хрупкостью вредно волноваться.

Доктор вновь встал с кровати и обратился к Менделю:

– Яков Моисеевич, распорядитесь, чтобы пациентку напоили крепким горячим чаем с медом и лимоном. У меня все. Если что, я у себя в комнате.

– Доктор, где вы учились?

– В Париже, мой друг, в Париже. Во Франции лучшая по нынешним временам медицина…

Доктор ушел, и тут же появились Варфоломей и служанка Глафира.

– Эту девушку срочно напоить горячим крепким чаем с медом и лимоном! – скомандовал Мендель Глафире. А потом добавил, обращаясь к Варфоломею:

– Нам надо посекретничать. Прошу пройти в мой кабинет.

Тяжелые бархатные шторы в кабинете плотно занавешивали окна, создавая таинственный полумрак.

– Сейчас ты срочно отправляешься к герцогу Ришельё! Делаешь все быстро и тайно, чтобы комар носа не подточил, и никто ничего не пронюхал! Ни единая душа! Понял?!

– Да, понял!

– Давай! Одна нога здесь, другая – там, третья снова здесь!

Варфоломей пружинистой походкой покинул кабинет. А Яков Моисеевич принялся собирать свой вместительный дорожный баул. Все авантюристы умеют это делать качественно и быстро. В баул Мендель поместил небольшое количество одежды, какие-то бумаги, большую резную шкатулку с золотыми монетами, бриллиантами и другими драгоценными камнями, а также шесть черных блестящих пистолетов. Управившись с этим делом, он уселся за письменный стол, взял бумагу, перо и принялся сочинять письмо:

«Дорогой мой Вальдемар! Так сложно теперь поворачивается моя жизненная линия, что мне срочным образом необходимо отбыть на неопределенное время довольно далеко от Одессы. Я знаю, в Петербурге у тебя немало важных дел, но обратиться мне с такой деликатной просьбой больше не к кому. С твоим покойным батюшкой мы были очень дружны, и я чту тебя за сына. Не хочу в письме излагать подробности. Вальдемар, приезжай срочно. Поживи в моем особняке, испытай истинное наслаждение от Черного моря, красивых девушек, веселых горожан, свежих ово-

щей и фруктов и вольготной жизни. Все распоряжения по дому относительно тебя я сделаю. И средствами на проживание не обделю. Надеюсь, ты не откажешь старику. Обнимаю. Твой Яков Моисеевич Мендель».

Примерно через полчаса явился Варфоломей.

– Ну, что?! – взволнованно спросил Яков Моисеевич.

– Я все в точности выполнил! – отрапортовал камердинер и протянул Менделю бумаги.

Яков Моисеевич раскрыл их и бегло просмотрел. После задумчивой паузы он сказал:

– Готовь дорожный экипаж. Отъезжаем немедленно! Я, ты и Людочка. Больше мы никого с собой не берем! Управлять экипажем будешь сам!

– Куда поедем? Надолго?

– Это я тебе уже в пути объясню. Готовь экипаж! И еще, распорядись это письмо, – Мендель протянул камердинеру конверт, – сегодня же с надежным курьером отправить в Петербург.

…После короткого обеда Яков Моисеевич и Людочка сели в просторную рессорную бричку польского образца с кожаным верхом, запряженную парой лошадей, Варфоломей лихо вскочил на козлы и экипаж с ветерком отправился в путь. Людочка даже слова не проронила в знак протеста, полностью полагая свою дальнейшую судьбу на Менделя. Надо полагать, ее девичья интуиция как-то подсказывала ей, что все будет хорошо.

Причерноморские степи – уникальное место на Земле, проходной двор. Кто только не жил здесь в свое время: киммерийцы, скифы, сарматы, готы, гунны, анты, аварцы, булгары, хазары, печенеги, половцы, валахи, цыгане… Всех не вспомнить и не перечислить!

Место это не только уникальное, но и крайне опасное для путешествий. Особенно являлась опасной западная часть Причерноморской степи, которая была присоединена к Российской империи в мае 1812 года. После продолжительных войн согласно Бухарестскому договору между Российской и Османской империями. После заключения этого договора был издан манифест о выводе войск из Молдавии и закреплении права на распоряжение имуществом сроком на один год, в течение которого жители с обоих берегов Прута могли беспрепятственно переселяться по собственному желанию на турецкую и русскую территорию и продавать свою собственность. Это было наилучшее место и время для пересечения границы. Но сроки были крайне короткие, эта возможность могла прекратиться в любой момент, при любом самом малейшем пограничном конфликте. Поэтому Мендель так и спешил.

Но Одессу и левый берег Прута отделяла широкая и трудно преодолеваемая по бездорожью полоса Причерноморской степи. Разбойники всех мастей чувствовали себя здесь вольготно, управы на них не было никакой…

Первую ночь Яков Моисеевич, Людочка и Варфоломей

провели в степи. Развели небольшой костер, приготовили ужин, перекусили. После этого, дворецкий, постелив прямо на голую землю старый полушубок, свернулся калачиком и мгновенно уснул.

Было тихо, безоблачно, на небосклоне сияли яркие звезды. Яков Моисеевич укрыл пледом узкие плечи Людочки и, вороша ветви в костре палкой, пустился в воспоминания:

– Я родился далеко от этих мест. В Брабанте. Теперь уже этого герцогства не существует, его поработили французы. Мой отец и мать были портными. Они были весьма добропорядочными, спокойными и набожными людьми. А я родился авантюристом. Уже в раннем детстве меня страшно тянуло к перемене мест и к приключениям. Мне было лет пять, а, может быть, шесть, когда рядом с нашим городком остановился цыганский табор. И я тайком сбежал от родителей к цыганам. Месяца три я странствовал с ними по Фландрии, жил в кибитках, ночевал у костра под открытым небом, научился воровать и обманывать людей. Я постиг тогда почти всю азбуку жизни. С тех пор люблю быстрых коней, свежий ветер, красивых людей и вольную жизнь…

Людочка внимательно слушала Якова Моисеевича, он был отменным рассказчиком. И он вовсе не казался ей напыщенным вельможей или прожженным злодеем…

– Когда я вернулся из табора домой, отец не учинил мне никакого наказания. Он даже не накричал на меня. Он лишь тяжко вздохнул. А мама проплакала несколько ночей. Сле-

дующее мое большое приключение случилось несколькими годами спустя. Я прибился к небольшой группе переселенцев, которые с позволения императрицы Екатерины Второй, отправились на берега Волги, где и организовали небольшую колонию. С тех пор я своих родителей не видел и ничего о них не знаю. Не знаю, даже, живы ли они сейчас. Я – очень плохой сын…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.